

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ И ТЕРМИНОВ РОДСТВА В ОНТОГЕНЕЗЕ

Рассматривается проблема усвоения детьми личных местоимений и терминов родства. Не только личные местоимения, но и термины родства трактуются как дейктические элементы. Предлагается новый подход к дейксису, предполагающий маркирование не только его ядра, но и периферии, причем к дейктическим элементам относятся не только те лексемы, в семантической структуре которых дейктическая сема является единственной ядерной, но и такие, у которых эта сема имеется и является ядерной — при возможном наличии и других сем, не только периферийных, но и ядерных. Общность личных местоимений и терминов родства как языковых знаков (и те, и другие эгоцентричны, релятивны, зависят от ситуации, обозначают роли, причем роли сменяемые и зависящие от точки отсчета), а также сходство их усвоения детьми (при усвоении и личных местоимений, и терминов родства вначале дети воспринимают их как «ярлыки», затем проходят стадию эгоцентризма в их восприятии и лишь затем приходят к их адекватному пониманию) предопределяет целесообразность совместного исследования этих двух групп лексем. Усвоение личных местоимений русскими детьми сравнивается с усвоением личных местоимений англоязычными детьми, а усвоение русскими детьми семантики терминов родства — с усвоением семантики терминов родства детьми англоязычными, исландскими и датскими, что позволяет выявить как межъязыковые универсалии, так и идиоэтнические особенности в онтогенезе персонального дейксиса.

В последние годы внимание исследователей все больше привлекает детская речь. Если детская речь в первые десятилетия ее изучения в основном представляла интерес для лингвистов как своеобразный материал, то в последнее время отношение к ней несколько изменилось: разумеется, и сейчас она

продолжает оставаться источником ценного и любопытного материала, однако наряду с этим пришло понимание того, что детская речь «самоценна», она может и должна привлекать внимание лингвистов. Изучение детской речи позволяет в целом решать две задачи — с одной стороны, раскрывать лингвистические и

психолингвистические механизмы собственно речевого онтогенеза, а с другой стороны, корректировать сложившиеся в лингвистике представления о языке и речи.

Именно такой подход к детской речи характерен для современного этапа развития молодой, но уже завоевавшей признание серьезных ученых области лингвистики, которую в последние годы все чаще стали называть «онтолингвистикой»¹. Как указывает В. Б. Касевич, в онтолингвистике «предполагается равная возможность исследования языка, речи и речевой деятельности»².

В ходе изучения речевого онтогенеза исследователь имеет возможность посмотреть, с одной стороны, на язык и речь как таковые, а с другой стороны, на языковую и речевую эволюцию ребенка под самыми различными углами зрения: можно сравнивать речь детей и взрослых и тем самым выявлять особенности именно детской речи; можно посмотреть на языковые факты и даже по-новому их интерпретировать, проанализировав их «отражение» в «зеркале» детской речи и т. д. При этом сам подход к отбору данных детской речи может быть различным: есть возможность рассмотреть онтогенез грамматической системы или онтогенез лексики или сфокусировать все внимание на каком-то конкретном вопросе — например, на вопросе о том, как происходит усвоение детьми грамматических категорий существительного; имеется и возможность сосредоточиться на речи одного ребенка и изучить все «области», все «пласты» его индивидуального речевого онтогенеза. Все названные выше (а также и не названные) подходы и способы «группировки» материала — ценны и интересны. Вместе с тем, с нашей точки зрения, не менее продуктивен и несколько иной подход: при изучении онтогенеза речевой деятельности имеет смысл руководствоваться и функциональным, когнитивным подходом, что позволяет отбирать и классифицировать материал (факты детской речи) в соответствии с тем, как он организован

в мозгу овладевающего языком человека, и в соответствии с тем, как он организован при функционировании в речи. Такой подход позволяет интерпретировать материал не только в соответствии с его формально-грамматической («частеречной») принадлежностью, но и в соответствии с его кореферентностью.

В частности, названный подход целесообразен при изучении онтогенеза кореферентных, хотя и имеющих различную «частеречную» принадлежность, групп лексем — личных местоимений и терминов родства. Особое место, которое принадлежит их эволюции в общей «палитре» речевого онтогенеза, определяется различными факторами. Так, весьма существенным является то обстоятельство, что в формировании языковой картины мира одно из центральных мест занимает становление представлений человека о себе самом и о своем месте в мире, что находит речевое воплощение в освоении детьми действительных функций личных местоимений, а затем — релятивной семантики терминов родства. Если говорить о собственно лингвистическом аспекте проблемы, то не менее важно подчеркнуть, что в процессе становления языкового сознания весьма существенно установление релевантной референции для так называемых «шифтеров», слов, референциальная отнесенность которых зависит от точки отсчета, от фокуса эмпатии, среди которых одно из центральных мест занимают личные местоимения и термины родства.

Итак, имеет смысл рассматривать вместе, в рамках одного исследования, усвоение детьми личных местоимений и терминов родства. Несмотря на то, что эти группы лексем принадлежат к разным частям речи, в их специфике как языковых знаков и в особенностях их усвоения детьми имеется столько общего, что это наводит на мысль о неслучайности всех этих сходств.

Личные местоимения — знаки дейктические, и это ни у кого сомнений не вызывает. Термины же родства традиционно в рамках дейксиса не рассматрива-

ются (см., например, в Лингвистическом энциклопедическом словаре³). Это, однако, не мешает тому обстоятельству, что практически в любом исследовании, посвященном личным местоимениям как дейктическим знакам, упоминаются и термины родства — для того, чтобы объяснить, по какой причине они к знакам дейктическим не относятся (например, в исследованиях Л. Я. Маловицкого⁴). При этом никто не отрицает наличия у терминов родства дейктичности: вопрос только в том, следует ли относить к дейктическим знакам только те, у которых сема указательности — единственная ядерная, или же и те, у которых эта сема присутствует и занимает существеннейшее место, однако сосуществует с другими, недейктическими, семами — не только периферийными, но и ядерными. Отметим, что следует разграничить понятия «дейксис в широком смысле слова» и «дейксис в узком смысле слова», что позволяет очертить «поле» более отчетливо — с маркированием не только его ядра, но и периферии. При таком понимании дейксиса дейктичность знака определяется обязательным наличием семы указательности как ядерной — при возможном наличии и других сем, не только периферийных, но и ядерных. Именно поэтому мы включаем в число элементов персонального дейксиса не только личные местоимения, но и термины родства и, говоря об усвоении детьми личных местоимений и терминов родства, используем такие понятия, как «онтогенез речевого персонального дейксиса» (эволюция личных местоимений в детской речи) и «онтогенез социального персонального дейксиса» (эволюция терминов родства в детской речи).

Итак, лингвистическая общность личных местоимений и терминов родства определяется, во-первых, тем обстоятельством, что релятивная сема у личных местоимений занимает такое же место в иерархии их семной структуры, как и у терминов родства: главную ступень семной иерархии занимает сема `обозначение лица`, на второй ступени —

релятивная сема; различие же скорее заключается не в месте, занимаемом на «иерархической лестнице» релятивной семой, а в том, что релятивная сема у терминов родства «делит» вторую ступень с семами нерелятивными; причем именно детская речь доказывает это утверждение о такой «иерархии» сем с наибольшей очевидностью.

Во-вторых, лингвистическая «близость» личных местоимений и терминов родства связана с особым «статусом» терминов родства, с их особой природой, отличающей их от других существительных. Они не просто «называют», они указывают на отношение, они релятивны, ситуативны и т. д. Именно поэтому мы полагаем, что общность свойств терминов родства и личных местоимений: обозначение лица по отношению, эгоцентричность, ситуативность, релятивность, функция обозначения ролей, причем ролей заведомо непостоянных, изначально предполагаемых как сменяемые и зависящие от точки отсчета, — заставляет говорить об особой природе терминов родства, об их особом положении среди других групп существительных и выдвинуть предположение о необходимости их отнесения к «парапрономинальной» лексике.

Таким образом, существует достаточно принципиальное лингвистическое сходство у личных местоимений и терминов родства. Вместе с тем не менее существенным для объяснения причин, почему мы считаем целесообразным совместное рассмотрение эволюции личных местоимений и терминов родства в детской речи — в рамках онтогенеза персонального дейксиса, — является и специфика их усвоения детьми. Очевидное сходство путей, по которым идут дети, усваивая на более раннем этапе личные местоимения, а на более позднем — термины родства, не может быть случайным: оно предопределяется, с одной стороны, лингвистической общностью личных местоимений и терминов родства как языковых знаков (релятивностью их семантики, эгоцентричностью, ситуатив-

ностью, их «ролевой», если так можно выразиться, функцией — и те и другие служат для обозначения ролей), а с другой стороны, — спецификой детского мышления с его «центрацией», неспособностью принять чужую точку отсчета.

При усвоении личных местоимений ребенок проходит следующий путь: сначала он личные местоимения во всей полноте их значения, как дейктические знаки, не воспринимает. На этой стадии ребенок либо воспринимает их как слова-«ярлыки», как жесткие десигнаторы, однозначно привязанные только к одной личности — к самому ребенку: воспринимает, например, обращенные к нему реплики взрослого, содержащие местоимение 2-го л., как относящиеся к себе, но, по-видимому, большого внимания этому местоимению не уделяет и сам его поначалу не использует; либо находит «лингвистическую лазейку» и избегает на некоторое время необходимости осознать их как дейктические знаки другим способом — субституцией личных местоимений личными именами и терминами родства. Например, говорит о себе «Таня» (не «дай мне», а «дай Тане»), а к собеседнику обращается как бы «в 3-м лице», заменяя местоимение 2-го л. на термин родства, равный, кстати, в данной ситуации и вообще на данном этапе личному имени (не «я хочу к тебе», а «Таня хочет к маме»). Заметим, что субституция детьми, находящимися на ранних стадиях речевого онтогенеза, личных местоимений терминами родства и личными именами заставляет пересмотреть бытующее в лингвистической науке представление о личных местоимениях как о чисто прагматических знаках, поскольку свидетельствует о заложенной в их семантике способности к индивидуализации актанта ситуации.

На следующем этапе наступает стадия эгоцентризма в восприятии личных местоимений: личные местоимения начинают восприниматься как дейктические знаки, но лишь применительно к самому ребенку. Так, ребенок может и воспринимать местоимение 2-го л. в речи взрос-

лых как обращенное к нему, к ребенку (однако, как показал проводившийся нами эксперимент с 39 детьми 17–37 месяцев, не воспринимает это местоимение адекватно, если оно обращено к кому-то другому), и даже использовать местоимение 1-го л. применительно к себе. При этом может возникнуть вопрос: а как ребенок, если он на этой стадии эгоцентричен, «догадывается», что о себе следует говорить «я»: ведь для такой «догадки» следует произвести генерализацию, проанализировав речь окружающих и заметив, что каждый говорящий всегда использует для маркирования себя местоимение 1-го л., т. е. встав как бы на позицию другого, чего ребенок на стадии эгоцентризма по самому определению сделать не может?

Оказывается, для получения некоего знания о том, что он, ребенок, должен говорить о себе «я», вовсе не всегда обязательно идти «логическим» путем: возможен и «имитаторский» путь. Напомним, что речь ведь в данном случае идет не о всех детях: часть детей, как мы уже сказали, поначалу личные местоимения не использует, заменяя их существительными — личными именами и терминами родства. Такие дети начинают использовать личные местоимения позже, тогда, когда они уже способны осознать релятивность их семантики, способны принять чужую точку отсчета, способны к генерализации, причем даже к генерализации релятивности. Другая же часть детей, как показал собранный нами материал, идет другим, «имитационным» путем: их специально «обучают» тому, что о себе следует говорить «я». Так, из числа наших информантов по крайней мере трое — Филипп С., Рома Ф. и Ваня Я.⁵ — пришли к пониманию того, что о себе они должны говорить «я», таким «имитационным» путем, их этому специально научили. Полагаем, что на самом деле таких детей не так мало: просто относительно названных трех детей мы располагаем неоспоримыми доказательствами, что они шли именно таким путем и что, соответственно, путь генерализации —

не единственный путь усвоения и адекватного использования личных местоимений [а это опровергает представления некоторых зарубежных исследователей о путях усвоения личных местоимений (см., например, исследования С. Чиат⁶)]. Лишь на последующей стадии происходит лингвистическая «децентрация», ребенок становится способен принять не только свою, но и чужие точки отсчета и начинает воспринимать личные местоимения как истинно дейктические знаки. Разумеется, это — самое схематичное изложение вопроса о том, как происходит эволюция личных местоимений в онтогенезе (подробнее см., например, в нашем исследовании, специально посвященном данной проблеме⁷).

Нечто сходное можно обнаружить и при усвоении детьми терминов родства. Специфика их онтогенеза заключается в том, что, с одной стороны, они появляются в речи детей очень рано, составляя весьма заметную часть самого начального детского лексикона, но, с другой стороны, как показывают данные детской речи, осознаются детьми во всей полноте их семантики весьма поздно — к школьному возрасту (заметим, что, говоря о терминах родства и их усвоении детьми, мы имеем в виду такие «основные» термины родства, как «мама», «папа», «брат», «сестра», «сын», «дочка», «бабушка», «дедушка», «внук» и т. п.; об усвоении же детьми таких терминов родства, как «теща», «зять», «невестка», «шурин» и т. п., которые и взрослыми-то носителями языка не всегда воспринимаются релевантно, мы говорить вообще не считаем целесообразным или, по крайней мере, существенным для целей нашего исследования).

Как уже отмечалось, поначалу термины родства воспринимаются детьми как жесткие десигнаторы, релятивность их семантики детьми не осознается, они для детей, находящихся на этом этапе речевого развития, — своего рода личные имена, т. е. своего рода тоже «ярлыки»: например, Мама — «личное имя» матери ребенка (как Катя — личное имя его се-

стры). У некоторых детей это «ярлыковое» восприятие терминов родства может даже эксплицироваться. Так, девочка, услышав, как другой ребенок назвал свою мать мамой выражает «лингвистический протест»: «Почему — мама?! Мама — моя!». Находясь на даче и услышав, как ее бабушка обращается к своему отцу (прадеду девочки): «папа», — искренне возмущается: «Папа — в городе, папа — Миша, он в городе!».

У других детей этап восприятия терминов родства (или какой-то части терминов родства) может приходиться на весьма ранний (а иногда — даже так называемый «дословесный», «довербальный») этап и потому словесно может никак не выражаться. Так, Лиза Е.⁸, по видимому, прошла этап «ярлыкового» восприятия слова «мама» еще на дословесном этапе — во-первых, из-за своей общей склонности к генерализации, а во-вторых, по той причине, что ее очень рано стали знакомить с детской литературой, в которой, в частности, фигурируют мама-ящерица, мама-кенгуру и т. д. Надо сказать, что вообще, на основе анализа записей спонтанной речи детей, мы приходим к выводу, что дети (по крайней мере — современные городские дети из обычных теперь в нашей стране «малодетных» семей) приходят к мысли о «неярлыковом» характере слова «мама» не вследствие сравнения своей семьи и семей других детей, а на основании детской литературы (в которой часто фигурируют мамы-звери и их детеныши).

Вместе с тем у многих детей «ярлыковый» этап восприятия терминов родства — заметен, эту особенность вполне можно наблюдать. Однако большинство взрослых, даже весьма внимательных к своим детям в других вопросах, таких явлений не замечает. Так, Ваня Я., рассматривая фотографии в альбоме, указывает на одного из дедушек (кстати, обоим дедушек он видит редко и знает не очень хорошо): «Деда». Обрадованный отец показывает ребенку фотографию другого дедушки, но на вопрос о том, кто это, ребенок отвечает: «Дядя» (разумеется, в

данном случае это не термин родства «дядя», а обычное детское обозначение взрослого мужчины»). Далее в видеозаписи фиксируется реакция матери ребенка — объяснение, почему, с ее точки зрения, Ваня так по-разному обозначил дедушек: «Тот дедушка слишком молодой для дедушки. Он его упорно дядей называет». Представляется, что истинная причина того, что одного дедушку ребенок называет дедушкой, а другого — нет, иная: «Деда» для Вани в это время — личное имя одного из дедушек, поэтому он и не распространяет его на другого дедушку.

Что же касается высказанного Ваниной мамой предположения о том, что «тот дедушка слишком молодой для дедушки», т. е. о том, что ребенку свойственно опираться на сему `старый` при восприятии термина родства «дедушка», то мы полагаем, что Ваня еще слишком мал для таких генерализаций. Вместе с тем такая опора — характерна для детей (хотя и несколько более старшего возраста), и поэтому остановимся на этом вопросе особо.

Начнем с того, что в семантике слова «дедушка» семы `возраст (старый)` нет, так же точно, как в семантике слова «внук» — не содержится семы `ребенок` и т. п. (например, про погибшего на войне в 20-летнем возрасте человека совершенно правильно сказать, что он — дед такого-то, а про 80-летнего старика — что он внук такого-то). Термины родства вообще, будучи словами релятивной семантики, «шифтерами», на самом деле не призваны содержать такого рода информацию, а лишь указывают на `степень родства` `по отношению к...`. Дети же, особенно находящиеся на рассматриваемом этапе речевого онтогенеза, не способные еще принять чужую точку отсчета и потому осознать сему `по отношению к...`, но вместе с тем стремящиеся как-то сформировать сигнификат термина родства, производят генерализацию на ложных основаниях, опираясь на перцептивно ощутимые компоненты. Поскольку же сема `ста-

рый` в семантике термина родства «дедушка» хотя и не присутствует, но является потенциальной (обычно дедушки все же старые), то такая, произведенная на ложных основаниях, генерализация позволяет ребенку достаточно адекватно воспринимать слово «дедушка», применяя его к относительно соответствующему действительности кругу лиц: ребенок может теперь отойти от «ярлыкового» восприятия, при этом он создает не совсем верный сигнификат, позволяющий достаточно точно очертить круг денотатов, что продвигает его на пути речевого онтогенеза в целом, но, однако, не означает при этом продвижения по пути осознания релятивности (сравним, кстати, такое детское восприятие слова «дедушка» со вторичным значением «обращение к старому человеку», зафиксированному в любом толковом словаре⁹).

Подобное детское восприятие терминов родства (с опорой на перцептивные компоненты) приводит иногда к весьма любопытным результатам. Так, в проводившемся нами по методике Х. Рагнардоттир¹⁰ со 178 детьми 2,6–8,5 лет большом экспериментальном исследовании, направленном на выявление того, как дети усваивают термины родства, возник такой интересный момент: на вопрос о том, есть ли у дедушки/бабушки ребенка внуки, только 20% детей 3,6–4,5 лет дали правильные ответы, т. е. назвали себя. Однако при ответе на аналогичный вопрос в части эксперимента, проводившегося на «модели» семьи — кукольной семье, — т. е. на вопрос о том, есть ли у куклы-дедушки и у куклы-бабушки внуки, 70% тех же детей указали на куклу-мальчика и куклу-девочку. Подобный «разрыв», когда о куклах-детях как о внуках дети отвечали значительно чаще, чем о себе как о внуке/внучке, наблюдался и в других младших возрастных группах. Интересен этот факт потому, что в других случаях ответы детей были всегда лучше, когда дело касалось собственной семьи ребенка: в этом случае верному ответу способствует фактор «обученности», в случае же с кукольной семьей ре-

бенок должен действовать по аналогии и/или произвести генерализацию. Почему же в рассматриваемом случае дети лучше справились с ответами тогда, когда дело касалось кукольной семьи? Полагаем, дело здесь в том, что для определения себя как чьего-то внука надо встать на точку отсчета этого члена семьи (релятивная сема `по отношению к...`); для признания же кукол-детей внуками достаточно признать, что внук — ребенок (опора на перцептивно осязаемую, но не обязательную сему с последующей генерализацией на ложных основаниях).

Итак, мы видим, что на этапе усвоения терминов родства, который мы условно называем «ярлыковым», дети либо воспринимают их как «ярлыки», либо на время избегают необходимости осознавать релятивность их семантики за счет произведенной на ложных основаниях генерализации.

Далее наступает эгоцентрический этап восприятия детьми терминов родства. На этом этапе ребенок способен уже «отсчитывать» родство, но только «от себя». На чужую точку отсчета он встать еще не может. Так, в упоминавшемся уже эксперименте на наш вопрос, как имя мамино папы, дети, находящиеся на этом этапе, называют имя собственного отца — не дедушки («отсчет от себя»). Поскольку такой «отсчет от себя» внешне очень похож на «ярлыковое» восприятие терминов родства (может быть, он просто выучил и потому знает термины родства — употребленные с его, ребенка, позиции — как своего рода «личные имена», «ярлыки»?), возникает естественный вопрос: почему мы считаем это уже не «ярлыковым», а «эгоцентрическим» этапом? Одним из аргументов может служить то, что на этом этапе дети проявляют не только «эгоцентризм», но и (приносим свои извинения за несколько «неуклюжий» термин) «детоцентризм»: они уже начинают быть способны принять точку отсчета и другого человека, но только ребенка, т. е. точку отсчета, аналогичную собственной, — точку отсчета собствен-

ного брата/сестры, точку отсчета куклы-ребенка в кукольной семье и т. п. Затем ребенок постепенно начинает отказываться от «эгоцентризма» в восприятии терминов родства, понемногу расширяя «набор» точек отсчета и его «направление». При этом сначала он осознает «отсчет вверх» (например, начинает понимать, кто такая мамина мама, причем не только в собственной семье, но и на модели семьи) и только затем — «отсчет вниз» (понимает, кто такая бабушкина дочка), что, безусловно, связано с вызванной «эгоцентризмом» привычкой считать «как от себя», что для ребенка — представителя младшего поколения в семье — чаще всего означает «вверх», но никогда не «вниз». Таким образом ребенок движется от стадии «эгоцентризма» в восприятии терминов родства к стадии адекватного их восприятия.

Отметим при этом два момента. Во-первых, — тот факт, что по идущей от Ж. Пиаже традиции в психологии и психолингвистике считается, что ребенок способен встать на чужую точку отсчета только к восьми и более годам. Собранный нами большой статистический материал заставил отказаться от такой точки зрения. Очевидно, что для части детей встать на чужую точку отсчета — действительно, проблема. В качестве примера приведем участвовавшую в нашем эксперименте Лизу Е., речь которой, кроме того, подробно записана и изучена — хотя мы могли бы привести десятки примеров других детей, также участвовавших в эксперименте: в возрасте 5,3 лет Лиза, речевое — и не только речевое — развитие которой в остальных отношениях в это время находится уже на весьма высоком уровне, не может назвать, кто папина мама, не понимает, что сама является сестрой собственному брату Алексе, и т. п. — явные показатели неспособности или даже нежелания встать на чужую точку отсчета. Для других детей, как выяснилось, эта проблема перестает быть таковой в гораздо более младшем возрасте, чем это было принято считать ранее. В качестве примера приведем от-

вет Вани Я. как ребенка, речь которого весьма подробно записана и — в других аспектах — исследователям детской речи достаточно хорошо известна. На вопрос о том, есть ли у его трехмесячного братика Феди брат, Ваня ответил: «Я братик!». По Ж. Пиаже, такого ответа просто не может быть — ведь Ване при этом 3,7.

Иными словами, мы полагаем, что способность встать на чужую точку отсчета, являющаяся необходимым условием осознания релятивности «шифтеров», появляется у разных детей в весьма разном возрасте и представляет собой существенную составляющую более общей «типологии» раннего детского речевого развития — дети «референциальные» и дети «экспрессивные».

Во-вторых, отметим, что полученные нами данные несколько уточняют еще один момент. Традиционно (и эта «аксиома» опять же восходит к Ж. Пиаже) считается, что отказ от эгоцентризма у детей сам по себе означает «децентрацию» — способность принять чужую точку отсчета (в том числе — лингвистическую). Данные нашего эксперимента показали, что это не совсем так. Существует некоторый временной «зазор» между отказом от эгоцентрической позиции и децентрацией: на этой стадии ребенок уже не дает эгоцентрических ответов, но еще не дает и верных ответов, свидетельствующих о принятии чужих точек отсчета (чаще всего — молчит в качестве ответа на вопросы, на которые дети, находящиеся на более раннем этапе, дают, не задумываясь, эгоцентрические ответы, а находящиеся на более поздней стадии — верные). Это доказывает, в частности, что осознание релятивности семантики «шифтеров» — еще более сложный и «затяжной» процесс, чем это можно было бы предположить.

Обобщая отмеченные особенности осознания детьми семантики исследуемых нами групп лексем релятивной семантики, можно сделать следующий вывод. В своем речевом развитии ребенок дважды, но на разных уровнях, повторяет следующий путь осознания «шифтеров»:

от стадии непонимания (закрывающейся в восприятии их как слов-«ярлыков» или в попытке избежать осознания релятивности их семантики другими способами — субституцией или генерализацией на ложных основаниях) к эгоцентрическому их восприятию и лишь затем — к узальному восприятию. Такая общность пути, проделываемого ребенком дважды — в 1–3 года при усвоении «речевого» дейксиса и в 3–8 лет при усвоении «социального» дейксиса — позволяет считать этот путь универсальным для речемыслительной деятельности ребенка.

При этом, в свою очередь, общность природы персонального дейксиса (под которым понимается и «речевой» персональный дейксис, и «социальный» персональный дейксис), а также общность особенностей усвоения «речевого» и «социального» персонального дейксиса детьми — как разных этапов лингвистической децентрации ребенка — предопределяет необходимость целостного подхода к онтогенезу персонального дейксиса.

Кроме того, из вышеизложенного следует, что в ходе онтогенеза персонального дейксиса происходит формирование как речевой, так и языковой компетенции ребенка. Если на этапе усвоения «речевого» персонального дейксиса и личных местоимений в большей степени формируется речевая компетенция (речь ребенка становится соответствующей узусу тогда, когда осознается «шифтерность» личных местоимений), то на этапе усвоения «социального» персонального дейксиса и терминов родства формируется не столько речевая, сколько языковая компетенция.

Остановимся еще на одном вопросе — на вопросе об универсальных и идиоэтнических (термин, использовавшийся С. Д. Кацнельсоном¹¹) особенностях онтогенеза персонального дейксиса. Надо сказать, что и личные местоимения, и термины родства, будучи по самой природе своей словами релятивной семантики — в любом языке, дают исключительно интересный материал для сравнений:

ведь природа дейксиса универсальна, а наличие в этих «шифтерах» релятивной ядерной семы, выводящей на первый план «отношение», а не какую-то иную, более чувствительную к национальной/идиоязыковой специфике информацию, делает их «естественным полигоном» для межъязыковых сопоставлений.

Заметим, что в своем исследовании мы сопоставляли полученные нами данные об эволюции личных местоимений и терминов родства в речи русских детей с аналогичными данными зарубежных исследователей. Так, мы сравнивали процесс усвоения русскими детьми личных местоимений с процессом их усвоения англоязычными детьми (данные Н. Бадвиг¹², Р. Чарни¹³, С. Чиат¹⁴, К. Лавлэнд¹⁵ и др.; подробнее см. в кратком обзоре и анализе этих и некоторых других зарубежных исследований¹⁶) и пришли к следующему основному выводу: в целом наблюдается удивительное сходство в усвоении детьми, осваивающими в качестве родных различные языки, личных местоимений. Очень похож порядок их усвоения (как в восприятии, так и в продуцировании), основные особенности их усвоения (например, особый статус конструкций с «активным деятелем» при усвоении местоимения 1-го л. и др.); можно выделять аналогичные этапы, преодолеваемые детьми, и т. п. Вместе с тем наблюдаются и некоторые различия, обусловленные спецификой осваиваемого языка. Так, на порядок и некоторые частные особенности усвоения личных местоимений русскими детьми влияют такие свойства русского языка, как разветвленная падежная система, существование (в сравнении с английским языком) форм множественного числа местоимения 2-го л., наличие того явления, которое в зарубежной научной литературе принято называть «про-дропом» (возможность не использовать местоимения 1-го/2-го л. в предложениях в настоящем и будущем времени) и др. Мы пришли к выводу, что «общая линия», общий путь в целом одинаков у детей, осваивающих в качестве родных различные языки;

особенности языка могут вносить лишь небольшие коррективы в эту «магистральную линию», несколько (несущественно) сдвигая возрастные рамки усвоения каких-то явлений или предопределяя отдельные особенности их усвоения.

Что же касается усвоения русскими детьми семантики терминов родства, то, во-первых, мы сравнивали его с опубликованными данными С. Хэвилэнд и Е. Кларк, касающимися усвоения терминов родства опять же англоязычными детьми¹⁷, а во-вторых, — как с опубликованными¹⁸, так и с еще не опубликованными данными исландской исследовательницы Х. Рагнарсдоттир, изучающей усвоение семантики терминов родства исландскими и датскими детьми. Как и в предыдущем случае, мы пришли к выводу об исключительном (в целом) сходстве в усвоении терминов родства детьми разных национальностей: обнаруживается почти полная идентичность основных этапов усвоения, универсальным оказывается большинство ошибок, проблем, возникающих на пути усвоения детьми терминов родства, и т. п.

Вместе с тем выявились и некоторые различия, связанные с языковой и общекультурной национальной спецификой. Например, наличие в русском языке системы отчеств, с одной стороны, эксплицирующих в самом именовании человека его родство «вверх» — с отцом, но, с другой стороны, не включающих в свою «внутреннюю форму» слов «сын»/«дочь» — в отличие от исландского языка, в котором отчества не только имеются, но и включают эти термины родства в свой состав в качестве второго компонента; наличие в русском языке единых лексем для обозначения родства по материнской и отцовской линии — в отличие от датского, где обозначение, например, того, по чьей линии эта бабушка или этот дядя (по линии матери или отца), «заложено» в самом термине родства; «малодетность» современных русских семей — в отличие, например, от исландских — и, соответственно меньшие возможности для русских детей наблюдать разветв-

ленную систему отношений родства и потому «моделировать» их на материале собственной семьи; принятое в русской национальной традиции — в отличие от исландской и датской — использование слов «сынок», «доченька» и т. п. в нерелятивном вторичном значении при обращении старых людей к младшим и т. д.). При этом, как выясилось, и при усвоении терминов родства идиоэтнические компоненты вносят лишь незначительные коррективы в общий путь онтогенеза «шифтеров»: основные этапы, темпы усвоения и т. п. одинаковы у детей разных национальностей, различия же в основном касаются специфики промежуточных стадий, выявляемых нами при переходе детей от одного этапа к другому, и незначительных вариаций в темпах и особенностях усвоения некоторых конкретных терминов родства.

Таким образом, сходство речевых стратегий детей, осваивающих в качестве родных различные языки, при овладении системами личных имен, личных местоимений и терминов родства позволяет а) делать выводы об универсальности этих речевых стратегий; б) выявлять общие универсалии человеческого Языка вообще.

Различия же в путях, темпах и окончательных результатах усвоения систем личных именованных, личных местоимений и терминов родства детьми, осваивающими в качестве родных различные языки, позволяют делать выводы о национальной специфике языковой картины мира, и в частности — русской языковой картины мира, и путях ее формирования в онтогенезе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Цейтлин С. Н.* Несколько слов об онтолингвистике и не только о ней // Языковая категоризация. Сб. статей к юбилею Е. С. Кубряковой. М., 1997.

² *Касевич В. Б.* Онтолингвистика, типология и языковые правила // Язык и речевая деятельность. 1998. Т. 1. С. 31.

³ *Виноградов В. А.* Дейксис // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 128.

⁴ *Маловицкий Л. Я.* Номинативное и деиктическое значение // Языковые значения. Л., 1976. С. 81—92.

⁵ Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить Н. В. Гагарину за предоставленные нам «расшифровки» подробнейших видеозаписей речи Вани Я.

⁶ *Chiat S.* Context-specificity and Generalization in the Acquisition of Pronominal Distinctions // *Journal of Child Language*. 1981. Vol. 8. № 1. P. 75–91; *Chiat S.* Personal Pronouns // *Fletcher P., Garman M.* (Eds.). *Language Acquisition (Studies in First Language Development)*. Cambridge, 1986. P. 339–355.

⁷ *Доброва Г. Р.* Усвоение детьми личных местоимений: онтогенез персонального дейксиса // *Речь ребенка: ранние этапы*. СПб., 2000. С. 115–146.

⁸ Выражаем свою глубочайшую признательность М. Б. Елисейевой за предоставленные нам видеозаписи и подробнейший дневник, в котором она записывала речь своей дочери Лизы.

⁹ Например: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1970. С. 151.

¹⁰ *Ragnarsdottir H.* Children's Acquisition of Kinship Concepts. The Role of Language and of Cognitive Development // *Sixth International Congress for the Study of Child Language*. Trieste: Masetti, 1993. P. 105; *Ragnarsdottir H.* The Acquisition of Kinship Concepts. A Cross-linguistic Study // *P. Broeder & J. M. J. Murre* (eds.) *Language and Thought in Development: Cross-linguistic Studies*. Tübingen, Günter Narr Verlag, 1996.

¹¹ *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

¹² *Budwig N.* Me, My and Name: Children's Early Systematization of Form Meaning and Functions in Talk About the Self // *Papers and Reports on Child Language Development*. Stanford. 1985. № 24. P. 30–38; *Budwig N.* The Linguistic Marking of Agentivity and Control in Child Language // *Journal of Child Language*. 1989. Vol. 16. P. 263–284; *Budwig N.* A Functional Approach to the Acquisition of Personal Pronouns // *Conti-Ramsden G., Snow C.* (Eds.). *Children's Language*. Vol. 7. Hillsdale. N. J., 1990a. P. 121–143; *Budwig N.* The Linguistic Marking of Non-prototypical Agency: an Exploration into Children's Use of Passives // *Linguistics*, 28, 1990b. P. 1221–1252; *Budwig N.* A Developmental-functionalist Approach to Child Language. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995.

¹³ Charney R. Speech Roles and the Development of Personal Pronouns // Journal of Child Language. 1980. Vol. 7. № 3. P. 509–528.

¹⁴ Chiat S. Context-specificity and Generalization in the Acquisition of Pronominal Distinctions // Journal of Child Language. 1981. Vol. 8. № 1. P. 75–91; Chiat S. Personal Pronouns // Fletcher P., Garman M. (Eds.). Language Acquisition (Studies in First Language Development). Cambridge, 1986. P. 339–355.

¹⁵ Loveland K. A. Learning about Points of View: Spatial Perspective and the Acquisition of 'I/you' // Journal of Child Language. 1984. Vol. 11. № 3. P. 535–556.

¹⁶ Доброва Г. П. Указ. соч.

¹⁷ Haviland S. E., Clark E. V. 'This Man's Father is My Father's Son': a Study of the Acquisition of English Kin Terms // Clark E. V. The Ontogenesis of Meaning. Weisbaden: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1979. P. 225–252.

¹⁸ Ragnarsdottir H. Children's Acquisition of Kinship Concepts. The Role of Language and of Cognitive Development // Sixth International Congress for the Study of Child Language. Trieste: Mosetti, 1993. P. 105; Ragnarsdottir H. The Acquisition of Kinship Concepts. A Cross-linguistic Study // P. Broeder & J. M. J. Murre (eds.) Language and Thought in Development: Cross-linguistic Studies. Tübingen, Günter Narr Verlag, 1996.

G. Dobrova

EVOLUTION OF PERSONAL PRONOUNS AND KINSHIP TERMS IN ONTOGENY

In this article the problem of children's acquisition of personal pronouns and kinship terms is discussed. Both personal pronouns and kinship terms are treated as deictic elements. A new approach to deixis which marks not only its center, but its periphery, including words with deictic components — irrespective of whether these components are unique «nuclear» components in the semantic structure of the word or not — is proposed. The similarity of personal pronouns and kinship terms as linguistic markers (they both are egocentric, relative, depend on situation, designate roles, which are removable and depend on viewpoints), as well as their similarity in children's acquisition (in acquisition of both personal pronouns and kinship terms children move from understanding them as «labels» to the egocentric understanding, and only then to the adequate one), predetermine an expediency of a common investigation of these two lexical groups. The process of acquisition of personal pronouns by Russian children is compared with that by English children. As for Russian children's acquisition of kinship terms, it is compared with the analogous process in English, Icelandic and Danish child language. This leads to elucidation of what is universal and what is cross-linguistically variable in children's acquisition of personal deixis.